

Тележку Лин Си сделал сам, в спешке, взяв за образец современную ручную тачку. Поскольку вёз он в основном вино, а кувшины легко бьются, борта нарочно сделал повыше, обшив их досками со всех сторон.

Увидев готовое изделие, Хо Цзюй долго обходил его кругом, разглядывая со всех сторон.

— Дорога неровная, — заметил он. — Наверное, толкать будет не слишком удобно?

Лин Си развёл руками: что поделаешь, каучука он пока не открыл, а значит, ни о какой нормальной амортизации речи быть не может. Зато по сравнению с деревенской одноколёсной тачкой его тележка всё же куда безопаснее.

Путь до Холма Гуйфэй был неблизкий. Люй Чжи предложил меняться с Лин Си и толкать тележку по очереди, но тот сразу отказался:

— Не нужно. У меня силы много. Если вы с бабушкой У устанете. Садитесь, я вас довезу.

Оба тут же замотали головами. Они сегодня шли с Лин Си именно помогать, а не затем, чтобы он надрывался из-за них.

— Мы не устали, — поспешно сказала бабушка У, словно опасаясь, что её примут за дряхлую старуху. — Такую дорогу мы всю жизнь ходим.

Да и правда: до того, как Люй Чжи снял у нее комнату, она жила одна. Деревенские считали её «невезучей» и старалисьшний раз не связываться, так что за всё ей приходилось браться самой. По выносливости она уж точно не шла ни в какое сравнение с теми двумя ленивцами из семьи Цао.

Бабушка У вовсе не преувеличивала. Жители окрестных деревень испокон веков полагались только на собственные ноги: обзавестись тягловым скотом могли немногие, а уж тем более позволить себе поездку за деньги. Каждая семья жила впроголодь, считая каждую медную монету; усталость и лишения давно стали для них обыденностью.

Ежегодный поэтический праздник, да ещё и с новым, диковинным состязанием за титул «Госпожи Личи», привлёк толпы людей - и старых, и молодых. По дороге Лин Си с бабушкой У и Лю Чжи встречали не только таких же зевак, но и немало тех, кто надеялся на людском скоплении подзаработать хоть немного мелочи.

Хотя они специально вышли пораньше, когда троица добралась до Холма Гуйфэй, почти все удобные места для лавок уже были заняты. Мимо прошёл торговец с коромыслом за плечами, заметил их растерянные лица и по-доброму подсказал:

— Хорошие места ещё с вечера разобрали. Мы, кто пришёл позже, можем только дальше

вперёд идти.

Чем дальше они уходили вперёд, тем дальше оказывались от места, где проходил сам поэтический праздник. Людей там было заметно меньше, а значит, и торговать куда труднее.

— Ничего себе... — Люй Чжи распахнул глаза. — Они что, ещё с ночи здесь сидели? Совсем не спят, что ли?!

Бабушка У, поразмыслив, сказала:

— Это как с первыми благовониями у храма: землевладельцы ещё накануне ночью посылают людей занимать очередь.

Люй Чжи тут же всё понял:

— И правда. Значит, и тут большинство просто прислали кого-то заранее занять место. А мы людей не нанимали, остаётся только идти дальше и смотреть, не найдётся ли хоть что-то подходящее.

Лин Си вовсе не пал духом. Он, не обращая внимания на толчею, уверенно протолкал тележку дальше вперёд. Бабушка У и Люй Чжи несколько раз указывали на разные места, но ему ни одно не пришлось по душе - то слишком тесно, то расположение неудобное. Когда же он наконец выбрал участок, который его устроил, вокруг оказалось пустошью: люди попадались редко, было непривычно тихо.

Люй Чжи заколебался и осторожно спросил:

— Тут ведь почти никого нет... Может, поищем ещё? Вдруг найдётся место получше?

— Здесь самое то, — отрезал Лин Си и тут же принялся за дело, не оставив им ни малейшего шанса продолжить уговоры.

Люй Чжи и бабушка У переглянулись с сомнением, затем посмотрели на Лин Си. В конце концов, скрепя сердце, они решили пока довериться ему и подошли помогать разгружать вещи.

Всё у Лин Си было уложено с умом и порядком. Все кувшины с вином находились в одном деревянном ящике: дно и стенки были густо проложены соломой для амортизации. Чтобы кувшины не бились друг о друга, ящик был сделан в виде решётки «девять ячеек» - в каждой стоял один кувшин. Так и считать было удобно, и целостность сохранялась.

Он отстегнул засовы по краям тележки, и боковые борта откинулись вниз, позволяя без труда снять ящик и поставить его рядом. Затем Лин Си выдвинул из-под днища скрытый ящичек,

достал оттуда кусок ткани и встряхнул его.

Белое полотно украшал рисунок бамбука, выполненный чёрной тушью: стебли и листья были выписаны так живо и тонко, что казались почти настоящими.

Он расстелил ткань поверх тележки - свисающие края скрыли колёса, и с первого взгляда она стала походить на аккуратный квадратный столик. Минимум деталей, максимум эстетики. Грубая на вид тележка в одно мгновение обрела утончённость. Люй Чжи и бабушка У, наблюдавшие за всем с самого начала, остолбенели от изумления.

Неизвестно откуда Лин Си извлёк деревянную табличку с двумя строками иероглифов. Люй Чжи и бабушка У читать не умели, потому с любопытством спросили, что там написано. Юноша приподнял уголки губ, глаза его светились живостью и задором, вся фигура дышала уверенностью:

— «Встретишь родную душу, и тысячи чашек вина окажется мало; крепче дружбы скрепляет вино»*.

(ПП: знаменитая строка, часто приписываемая поэту Оуян Сю эпохи Сун)

Они ничего не поняли и растерянно переглянулись. Разве они не пришли продавать вино? Почему же Лин Си вдруг заговорил о дружбе? Не разобравшись, но и не решаясь задавать лишние вопросы, оба молча остались рядом. Солнце поднималось всё выше, людей вокруг становилось всё больше, а у них по-прежнему было пусто, ни души. Сердца Люй Чжи и бабушки У сжимались от тревоги, лбы покрылись потом.

Сам же Лин Си сохранял полное спокойствие. Он уселся на маленькую скамеечку, сделанную для него Хо Цзюем: над головой шумела густая листва, надёжно укрывая его от палящего солнца.

— Если вам скучно, сходите прогуляйтесь, — невозмутимо сказал он. — Всё равно сейчас никого нет, я и один тут справлюсь.

Люй Чжи и бабушка У решили пройтись по другим лавкам и разузнать, как обстоят дела у соседей. Кивнув Лин Си, они быстро растворились в толпе.

— Жарища сегодня невыносимая. Я только что учуял запах жареного в сахаре и масле - до того муторно стало, — с неудовольствием сказал кто-то.

— И не говори. Мы ведь собрались на поэтическое состязание, беседовать об учёности, о возвышенном. Как можно ставить рядом такие изящные вещи и кухонную возню? Это же оскорбление благородства, настоящее оскорбление изящных нравов!

— Истинный благородный муж по природе своей чист и взыскателен, — важно подхватил третий. — И питаться ему следует изысканным. Вот хотя бы эта личи: круглая, налитая, мякоть белоснежная, вкус отменный.

— Верно сказано, брат Ли, — рассмеялся мужчина рядом. — Моя супруга настаивает личи на вине, получается особенный напиток. Жаль только, я сам не удержался и всё выдул подчистую. А то непременно дал бы вам, братья, отведать, ха-ха-ха!

Хотя на словах он и сетовал, улыбка на его лице выдавала откровенное хвастовство.

— Личиевое вино у нас в доме каждый год делают, — равнодушно махнул рукой мужчина в жёлтом халате. — Только мать с младшей сестрой его любят. Мы с отцом всё же предпочитаем жёлтое вино.

— Брат Хуан, не стоит говорить «виноград кислый», лишь потому что тебе не досталось, — с лёгким раздражением отозвался тот самый хвастун. — Кто пил личиевое вино, все как один говорят: вкус превосходный.

Остальные, уловив в воздухе нарастающее напряжение, поспешили вмешаться:

— Полно, полно. Мы ведь однокурсники и друзья. Не стоит из-за пары слов портить сегодняшнее доброе настроение.

В этот момент один из молодых господ в зелёном одеянии, подперев подбородок ладонью, заговорил:

— К слову о вине... Я тут вспомнил одного человека.

Все разом повернулись к нему:

— Кого?

Юноша в зелёном вздрогнул от внезапного внимания, но, собравшись с духом, ответил:

— Легендарную фигуру из нашей академии - Лу Сянбая.

Стоило прозвучать этому имени, как остальные оживились:

— А, его? Разве он снова не провалился на экзаменах? Говорят, если в следующий раз опять не поступит, его просто выгонят из академии.

— Каждый год сдаёт и каждый год остаётся ни с чем. Интересно, кто вообще пустил слух, что он воплощение Звезды Учёности? Не иначе как нарочно, чтобы сделать из него посмешище.

Юноша в зелёном покачал пальцем:

— Вот тут вы как раз и не правы. Лу Сянбай и впрямь словно сошёл с небес как Вэньцюйсин. Его сочинения даже сам наставник академии неизменно расхваливает.

— Тогда почему же он раз за разом проваливается? — ещё больше недоумевали остальные.

Господин в зеленом вздохнул и пояснил:

— У Лу Сянбая есть одна странная особенность: если он не выпьет хорошего вина, он не в силах написать хороший текст. Однажды я своими глазами видел, как он напился в ресторане «Хэянь». Обмакнул палец в вино и прямо на столе, широкими взмахами, написал стихотворение, да так, что все присутствующие были ошеломлены и наперебой стучали по столам от восхищения.

Господин Хуан внезапно широко распахнул глаза, сложил веер и с силой хлопнул им по ладони:

— Я слышал об этом! Думал, что это всего лишь байки с улиц да переулков. Неужели всё было на самом деле?!

Юноша в зелёном одеянии торопливо закивал:

— Чистая правда. Я тогда сидел на втором этаже и видел всё собственными глазами. Мои стихи на его фоне выглядели так, будто их сочинил ребёнок. Мне стало так стыдно, что после того случая я больше ни разу не осмелился прогулять занятия.

Все разом уставились на него:

— Вот оно что! Не зря ты вдруг ни с того ни с сего стал таким примерным, просто тебя слишком сильно превзошли и задели за живое.

Юноша в зелёном прижал руку к груди:

— Прошлое - боль, не стоит о нём вспоминать.

Мужчина, который прежде хвастался винодельческим мастерством своей жены, вздохнул и спросил:

— Так, выходит, Лу Сянбай раз за разом терпит неудачу потому, что на экзаменах нет хорошего вина, и он не может написать достойный текст?

Господин в зеленом кивнул:

— Именно так. Несколько дней назад я случайно встретил его у выхода из академии - вид был измождённый, и следа не осталось от прежнего воодушевления. Говорят, он перепробовал всевозможные вина, но ни одно из них больше не способно пробудить в нём вдохновение.

Господин Хуан с неловкостью на лице произнёс:

— А вдруг он просто исчерпал свой талант?

Все покачали головами: кто знает, как обстоит дело на самом деле.

Незаметно они ушли из самой гущи толпы и вдруг почувствовали, что дышать стало легче, и решили прогуляться там, где людей поменьше.

— Смотрите... да это же Лу Сянбай! — воскликнул господин Хуан, который привык рано ложиться и рано вставать и потому отличался зорким зрением.

Услышав это имя, остальные один за другим повернули головы в указанную сторону. У небольшого прилавка стояла высокая, худощавая фигура, видимая со спины.

Прилавок выглядел странно - Лу Сянбай почти полностью заслонял продавца, так что разглядеть того было невозможно, а на самом прилавке, казалось, вовсе ничего не лежало.

— Нет, там есть надпись! — вновь подал голос господин Хуан, полагаясь на своё превосходное зрение.

Он медленно прочёл вслух две строки, написанные на дощечке:

— «Встретишь родную душу, и тысячи чашек вина окажется мало; крепче дружбы скрепляет вино».

Все задумались, смакуя смысл этих слов, и глаза их внезапно загорелись.

— Прекрасные строки!

— Встретишь родную душу, и тысячи чашек вина окажется мало... Тот, кто способен написать такое и произнести подобные слова, несомненно человек широкого размаха и истинной удалы.

— Мне кажется, это должен быть человек с широкой душой и открытым сердцем.

— Он говорит: «крепче дружбы скрепляет вино»... Неужели у него и вправду есть вино?

Этот вопрос заставил всех на миг замереть. Затем они почти одновременно посмотрели в сторону Лу Сянбая, теряясь в догадках: кто же этот торговец, о чём они говорят? Если уж «крепче дружбы скрепляет вино», то и они тоже не прочь!

Переглянувшись, они без слов обменялись взглядами:

— Может, и нам подойти?

Ответ был единодушным и мгновенным:

— Пойдём!

Когда они приблизились, их ждало новое потрясение. Оказалось, что Лу Сянбай загораживал не почтенного старца, а юного, удивительно красивого гера. Он был стройным, высоким - выше большинства из них, и даже сам высокий и худощавый Лу Сянбай превосходил его ростом всего лишь на полголовы.

Пока они приходили в себя от удивления, до них донёлся разговор.

— Если уж встречаться за вином, — с лёгкой улыбкой произнёс Лин Си, — то нужно проявить искренность. У меня здесь лучшее вино. Только скажите, господин, хватит ли у вас сил выпить тысячу чаш и не опьянеть?

В его глазах не колыхалось ни тени волнения, они были спокойны, как гладь зеркала.

Сердце Лу Сянбая тяжело ёкнуло. Он редко имел дело с герами, а уж с таким ослепительно красивым тем более. Учёная воспитанность заставила его растеряться: он не знал, куда деть взгляд. Но жажда хорошего вина, разгоравшаяся в груди, не позволяла сделать ни шага прочь.

Он перепробовал все лучшие вина округа, даже заказывал доставку прославленных напитков издалека, но результат был один и тот же. Он словно иссохшее поле, на котором больше не пробиваются свежие ростки. Ему было необходимо иное вино, такое, что смогло бы вырвать его из этого тупика. Иначе... иначе он чувствовал, что долго не протянет.

— Гх... — кадык Лу Сянбая дёрнулся. Его взгляд встретился с ясными, чистыми глазами юноши, и пальцы вдруг задрожали.

Одинокий, поразительно красивый гер, сидящий у дороги и продающий вино, да ещё и утверждающий, что у него лучшее вино на свете... Как ни посмотри, это походило на сказки о лисьих духах, что заманивают людей и губят их жизни. Если рассуждать здраво, скорее всего, обманщик.

Но, глядя в эти до странности чистые глаза, Лу Сянбай не мог породить в себе ни тени сомнения. Он твёрдо сказал:

— У меня хватит.

<http://bllate.org/book/13580/1301667>